

С. 2.

Семлетие „Одес. Иск.“

2-го декабря 1892-го года.

Литературное обозрѣніе.

«Палата № 6. — А. Чеховъ («Русская Мысль» № 11).

Искы, впрочемъ, въ послѣднее время и шлоху въ особенно благодарныхъ настроеніяхъ по отношенію къ современной литературѣ. Иногда со мной этого ропска не бывало. Я всегда прежде несправедливо относился къ произведеніямъ современныхъ авторовъ, но видя въ нихъ ничего, противъ малой или никакой мысли, облеченной въ несообразную форму. Но вотъ въ послѣднихъ произведеніяхъ русскихъ писателей, одно за другимъ, волею судьбы во мнѣ стегъ несправедливый взглядъ. Въ прошломъ своемъ фельетонѣ я назвалъ содержаніе знаменитѣйшаго разсказа П. Боборыкина «Передъ чѣмъ-то». Ими я воспользовался вещей: помню разсказы А. Чехова и В. Короленко, приведшихъ меня къ восхищенію.

Разсказъ А. Чехова «Палата № 6» почитается въ помѣрской книгѣ «Русской Мысли». «Палата № 6» вѣщаетъ къ себѣ сукашескихъ. Вся она интересна для наблюденія. Но въ особенности назидателенъ Иванъ Дмитричъ, бывшій судебный приставъ. Авторъ очень разсказываетъ его біографію. Иванъ Дмитричъ многога, даже въ молодые студенческіе годы, не производилъ впечатлѣній здороваго. Всегда онъ былъ бѣденъ, худъ, подверженъ простудѣ, мало ѣлъ, дурно спалъ. А наладъ онъ ехалъ съ уха вотъ какіи образы:

«однажды осеннимъ утромъ пробирался Иванъ Дмитричъ по переулкѣ къ какой-то вѣщанинѣ, чтобы получить по исполненіи своему званію. Настроеніе у него было мрачное, какъ всегда на утрахъ. Въ одѣжѣ изъ переулковъ встрѣтилъ ему два арстанта въ кафтанахъ и съ ними четверо мальчишекъ съ ружьями. Раньше Иванъ Дмитричъ очень часто встрѣчалъ арстантовъ и мальчишекъ, но возбуждалъ въ немъ чувство состраданія и жалости, теперь же эта вѣщанинѣ провозглашалъ на него какіе-то особенныя, страшное впечатлѣнія. Ему вдругъ почудило, что его хотятъ погнать въ каждаго и тѣмъ-самымъ образомъ вести по улицѣ въ тюрьму».

У бѣднаго Ивана Дмитрича нащипанъ столь обыкновенные симптомы ма-

ни простуды. Возвращаясь домой и встрѣтивъ знакомаго гонимого арстанта, онъ подумалъ, что эта вѣщанинѣ очень подобила. А такъ и содрогая и издавая неостановившего, былъ все увеличивался, росла, задрожала собой вся плоть, и Иванъ обо-остался думать. Это было ужасно. Вдругъ что его проследить, ставши-лось съ надынь дѣнь все настойчивѣе и въ одно прекрасное утро достигъ своего апогея. «Въ этотъ день издѣланы найдены были два трупа — старуха и мальчикъ, съ признаками насильственной смерти. Иванъ Дмитричъ, чтобы не подумали, что это онъ убилъ, ходилъ по улицѣ и улыбался... Потомъ, когда эта вѣщанинѣ утонула его, онъ рѣшилъ спрятаться въ погребе и просидѣлъ тамъ два дня и, когда сильно озлобъ, то

«однажды вечеромъ, тайкомъ, какъ воръ, пробрался къ себѣ въ комнату. До заката простоялъ онъ среди комнаты, пошевелился и прислушивался. Рано утромъ со восхода солнца, въ комнату пришелъ по-лициантъ Иванъ Дмитричъ хорошо зная, что онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы перекладывать въ кучѣ вещи, но страхъ подсказалъ ему, что это полицейскіе, переодѣтые полицейскими. Онъ поспѣшно вышелъ изъ квартиры и, охваченный ужасомъ, бѣжалъ по улицѣ, лобызая по улицѣ. За нимъ съ лапой гнались собаки, кричали гдѣ-то полади мальчишки, въ ушахъ свистѣлъ воздухъ, и Ивану Дмитричу казалось, что насилие всего мира скончалось за его спиной и гонится за нимъ».

Иванъ Дмитричъ сошелъ съ ума и его отправили въ больницу. Иванъ Дмитричъ, — самый мыслящій изъ своихъ собратьевъ по палатѣ. Будучи еще здоровымъ, онъ много читалъ, много интересовался и много передумывалъ. У него цѣлое вѣщаніе прекрасное мирозорваніе, которое широко уживается съ напей преслѣдованій. Онъ любитъ часто говорить своимъ товарищамъ по палатѣ страстными рѣчи. Въ сохатію, по видно, чтобы аудитория его слушала эти рѣчи со вниманіемъ. А говорить нашъ Иванъ Дмитричъ со подлости человеческой, о несправедливости, о неправдѣ, о прекрасной жизни, какая современности будетъ на землѣ, объ овишнихъ рѣшеткахъ, ищоминионныхъ ему каждую минуту о густости и жесткости насильничества... Интересный большой этого Иванъ Дмитричъ! Но никто не слушаетъ его рѣчей, никто не принимаетъ ихъ въ соображеніе. Если при болѣзнь слуши-





с. 2.

Она быстро отворила дверь и бьсть и Андрей Ефимича, и Ивана Дмитрича.

«Иван» Ефимичу показалось, что про-  
шедшая секунда была повисла: это съ го-  
ловы и потащил къ кровати... «Она бьсть  
она» удержал похушу и снисхуль зубы, и  
вдруг въ головѣ его среди тьмы все  
виль зрла страшна, невыносима, и мста,  
что только такую-же боль должили были по-  
литывать годанн изъ-даль въ-даль это мста,  
казань бьсть, теперь при лужавъ сьбьт, тер-  
мина тьмани.

Андрей Ефимичъ позналъ страданіе.  
Всю свою жизнь онъ не зналъ этого,  
и только теперь позналъ во всемъ ужасѣ  
это страданіе. Онъ говорилъ, что  
боль можно не чувствовать, если хо-  
чешь не чувствовать, и даже приводилъ  
въ подтвержденіе своей мысли слова  
Марка Аврелія о боли: «бьль есть жи-  
вое представленіе о боли; сдѣлай уч-  
аія в-ли, чтобъ забыть это представ-  
леніе, отгни его, перестань жалеть  
са и бьль исчезнетъ». Теперь онъ не  
приводилъ этого доказательства, те-  
перь онъ хотѣлъ пригословить. Если-  
бы онъ не былъ до такой степени из-  
битъ Накитой, что не могъ встать съ  
постели, онъ убилъ-бы его и фельдше-  
ра, и смотритора, и весь этотъ ширь  
шесала, который запряталъ его в Иван-  
на Дмитрича сюда, въ эту тюрьму, за  
эту рѣшетку... Подъ вечеръ Андрей Ефимичъ  
уверъ отъ апоплексического уда-  
ра. Мы приводимъ эту послѣднюю сце-  
ну разсказа цѣликомъ:

«Сначала онъ почувствовалъ потрясающій  
озвобъ и томноту; что-то отвратительное,  
какъ казалось, нолжее на глѣющую вислуду  
калусту и тухлая янца, проникла во все  
тѣ о, даже въ пальцы, потануло отъ жо-  
луда къ голоу и замло глаза и уши.  
Потомъ же въ глазахъ Андрей Ефимичъ  
вожалъ, что ему пришелъ конецъ и вспо-  
миналъ, что Иванъ Дмитричъ и миллионъ лю-  
дей вѣрять въ бессмертіе. А вдругъ она  
естъ? Но бессмертія ему не хотѣлось и онъ  
думалъ о томъ только одно мнзвосте. Стало  
визнонъ, необыкновенно праснымъ и гра-  
щозамъ, пробѣжало ниню ного; потомъ  
бьба протянула въ немъ р-бу съ заказ-  
нымъ пашьонъ... Потомъ все встало и  
Андрей Ефимичъ забился на бѣлѣ.

Пришли пужки, взяли его за руки и за  
ноги и отнесли въ часовню. Тамъ онъ ле-  
жалъ на столѣ съ открытыми глазами и  
лупа ночью съ бѣлами слѣ...

Такъ уверъ Андрей Ефимичъ, и  
смерть его возверглась къ въ ужасъ.  
Мы видимъ въ разсказѣ страданіе, по-  
тому нестеть въ продолженіе мнзвосте  
дѣтъ, только въ снзвосте бьльмани,  
Иванъ Дмитричъ, во страданіе это бьль-

мнзвосте. Она вѣрять въ мнзвосте  
въ зрла новой жизни, она вѣрять  
торжество правды, она, вѣрять  
речь въ бессмертіе, — и это р-бу  
отъ, служить для него бьльмани  
мнзвосте бьль, вѣрять это—мнзвосте  
рѣй создалъ въ угруннъ снзвосте  
бьльмани его снзвосте днзвосте  
въ вѣрѣ въ бессмертіе тнзвосте  
въ награду за страданіе, мнзвосте  
тодннн страданіа, дѣтъ, мнзвосте  
на агонъ снзвосте, а во на мнзвосте  
мнзвосте награды и вѣтъ. Илн снзвосте  
речь снзвосте это и въ ужасъ  
днзвосте: что горько и обидно  
жизнь кончится не наградою  
данія, но апоплексіею, какъ мнзвосте  
а смертью; придуть пужки  
шуть мертвого за руки и за  
ногавы». Такъ она, эта жизнь,  
жилась уже для Андрей Ефимичъ  
теперь на очереди Иванъ Дмитричъ

Что ему въ томъ, что онъ не  
ней минуты будетъ вѣрять въ бьль  
и торжество правды на землѣ и  
саваннѣ за-за бьльмани р-бу  
грядущія позволѣна, что ему  
когда ему, ему самому мнзвосте  
челся жить, дышать свѣжнн  
хотѣ, быть на свободѣ! Онъ не  
его посѣщаютъ призракн.

«Но мнѣ ходить какіе-то люди,  
онъ,—а слышу голоса, шуму, и  
мнѣ, что я гуляю по какой-то мнзвосте  
берегу моря, и мнѣ тогда страшно  
суоты, заботы...

Да, это ужасно. Чувствуешь,  
лишь, страдаешь, борешься,  
стужешь, но яляется Иванъ и  
дѣветъ надъ тобою свое грубо-  
ство. Андрей Ефимичъ все снзвосте  
не казалъ страданія, наконецъ,  
его во весь его ужасъ, прнзвосте  
речь вселющающее его торннн  
долженъ возродиться, но вдругъ  
расть, приходять пужки, бьль  
за ноги и за руки и носуть  
ужасно. Ужасно, потому что это  
дѣжно. Безнадежно, конечно, для  
Дмитрича и Андрей Ефимичъ, а  
сторона Иваниты...

О разсказѣ В. Короленко  
кажеть въ снзвосте р-бу

П. Гаршинъ Внзвосте